

Анна Николаевна Ковалева родилась в селе Дмитриевка Липецкой области. Поэт, переводчик. Публиковала стихи в журналах «Подъём», «Юность», «Дактиль», газете «Мысли». Участница литературных фестивалей и Всероссийских школ писательского мастерства. В 2018 году в составе литературно-исторической экспедиции «Донбасс — земля героев» выступала со стихами в Донецкой и Луганской областях. Живет в Воронеже.

Анна Ковалева

ГОЛУБЬ

Рассказ

Голубь недоуменно вышел из-под машины. И так же недоуменно вернулся обратно в тень.

Если поблизости нет смешной собаки, или кошки, или, на худой конец, маленьких детей, наблюдать остается только за голубями. У одной поэтессы, почему-то прославившей юродивой, есть такая строчка: «лица проходящих читать, как лучшие стихи». Я восхищена ее человеколюбием. Но видела бы она этого голубя.

Эх, сейчас я сама его не видела. Голубь скрывался в темной полосе тени под машиной, но я все еще могла рассмотреть его растопыренную лапку, оставшуюся на свету. И она сияла непоколебимо и розово.

Асфальт светился. Он был настолько сух и бел в лучах солнца, что даже слепил глаза. Стены домов, крыши и лица людей немилосердно отражали этот свет. День был чрезвычайно ясный.

Голубь же вышагивал по краешку тени и сам периодически отражал свет. Недолго. О, похоже, это не входило в его планы. Перманентным казалось лишь его недоумение.

Хотя сложно было выделить одну определенную причину, почему голубь недоумевал. Наверное, все происходящее вокруг вызывало у него только такую реакцию. И это мне в нем ужасно нравилось. Резкими и мелкими движениями головы

он перемещал фокус взгляда и пристреливал каждый миллиметр мира своим недоумением.

Наверное, у голубя была какая-то судьба. Место, откуда он взялся, место, где он чаще всего кушает, место, где прячется ночью и спит. Голуби ведь спят ночью? Или нет? Наверняка у него был возраст. И, понятное дело, личные пристрастия. А может, у него был скверный характер. Я вспомнила, что на меня однажды голубь нагадил прямо у входа в театр. Вряд ли это был он. А может, он. А может, его двадцатитуродный брат.

Когда голубь, ковыляя, приближался к границе света и тени, он взъерошивал свои серые чумазы перья на шее, которые словно заменяли ему пышные кружевные воротники или карнавальные рюши. А потом перья снова сглаживались, и я снова замечала, как голубь блестит и переливается. В этот момент он был прекрасен. Но тут же голубь принимал решение вернуться обратно в тень и погаснуть, и потому рассмотреть отлив его серо-сиренево-синих перьев получше у меня никак не получалось.

А еще там был зеленый! Да. Зеленый.

Все-таки хотелось верить, что даже в тени он осознает свою голубиную значительность. Ведь последние несколько минут моей жизни были заняты исключительно этим голубем. Даже возникло желание почитать стихи вслух, но как бы для себя, а не потому, что меня интересовало его внимание.

Странно, но я пребывала на вираже некоего незнакомого ощущения, точно наконец-то начало происходить нечто, не похожее на мою жизнь. Да, я была излишне поэтична. А может, мне просто было слишком скучно.

Разумеется, голубь заметил меня. Он тщательно настраивал поворот головы и подходящий зум для того, чтобы взглянуть на мои руки. Это занимает какое-то время, если ты голубь. К тому же в этой процедуре чувствовалась некоторая деликатность. Ничего у меня с собой для голубя не было, а значит, особых причин выйти на свет у него не находилось.

Выйти на свет. Нет, пожалуй, не сегодня.

Так мы оставались, каждый на своем месте. Я в своей тени. Голубь в своей.

Это напомнило о чем-то грустном. Я даже подумала уйти. И встала уже со скамейки, но тотчас передумала и села обратно.

Голубь заинтересованно наставил на меня глаз.

Наши взгляды наконец встретились.

В такие моменты обычно играет музыка, но случилось другое.

Голубь вышел на свет во всей своей красе.

Он был похож на бензиновый разлив на мокрой весенней улице, на бомжеватого интеллигента, с которым, оказывается, вдруг интересно поговорить о жизни, на повисший в воздухе вопрос без ответа, на секунду до улыбки, на желание полежать на земле, испачкаться и не заметить этого, на ночную прогулку по городу, когда можно идти по середине проезжей части, на запах сырой коры, когда лезешь на дерево после дождя. Он был похож на детскую мечту, ту самую, которую я всегда хотела исполнить, а теперь не могу вспомнить, о чем она была. Он был похож на старые любимые джинсы, давно потерянную любимую игрушку, какую-то знакомую песню с забытым названием. Он был похож на первое алкогольное опьянение, желание потеряться и начать всю жизнь заново. Он был похож на необходимость перемен.

А потом он улетел.

Он улетел, потому что пришел мужик, звенящими ключами открыл машину, ту самую, которая, оказывается, была древней «Волгой», а не просто источником тени для моего голубя, хлопнулся на сиденье и, долго сдавая назад и задевая пыльные кусты боковыми стеклами, развернулся и выехал со двора. Я не стала смотреть на то место, где раньше сидел голубь.

И я пошла на остановку, села в свою маршрутку. Она была пустая и душная. Я приоткрыла окошко и подставила лицо ветру. В середине пути водитель что-то сказал вперед себя, а я не поняла. Наверное, он говорил по телефону.

